

Текущая литература.

Мужики, А. Н. Чехова („Русск. Мысль“, № 4).

I.

Ни надъ однимъ изъ современныхъ беллетристовъ не тяготѣетъ такого грубаго недоразумѣнія и оскорбительнаго предразсудка, какъ надъ г. Чеховымъ. Не только хулители, но и восхвалители, почитатели симпатичнаго таланта его отрицаютъ въ немъ — шутка-ли сказать — *живую душу*, иначе сказать, отрицаютъ *человѣка*. Одними въ похвалу, другими въ вину ставится то, что будто бы г. Чеховъ — чистый художникъ, чуждый какихъ бы то ни было тенденцій, и что бы онъ ни изображалъ, онъ не имѣетъ при этомъ въ виду никакихъ предвзятыхъ цѣлей, а одну художественную правду, заботится лишь объ одномъ, чтобы рисунокъ былъ вѣренъ дѣйствительности, а тамъ какіе выводы слѣдуютъ изъ его изображеній, до этого ему нѣтъ никакого дѣла.

Правда, у г. Чехова не найдете вы никакихъ лирическихъ словизліній, восклицательныхъ знаковъ и много-точій, никакихъ обсужденій, восхваленій или порицаній изображаемыхъ фактовъ; онъ, если можно выразиться, художественно сдержанъ, говоритъ исключительно образами и, пребывая неизмѣнно въ художественной сферѣ, не беретъ за критическое перо и не старается разжевать и положить читателямъ въ ротъ то, что изображаетъ. Но неужели, въ то время, какъ очень часто изъ-подъ пера его выходятъ вопіющіе, поразительные факты, трогашіе или возмущающіе васъ до глубины души, авторъ будто бы совсѣмъ и не сознаетъ, и не постигаетъ ихъ трогательности или возмутительности, и ничего въ это время не чувствуетъ, кромѣ одного эстетическаго восторга? Да что же онъ такое, въ такомъ случаѣ, — мертвый фотографическій аппаратъ? Каменный истуканъ, лишенный души и сердца? И господа нечитатели. и господа хулители, мнѣ кажется, слишкомъ увлекаются, представляя себѣ художниковъ какими-то безилотными лебодителями, которыхъ ничто не трогаетъ, не возмущаетъ, у которыхъ сердце не способно обливаться кровью, при видѣ *человѣческихъ*

страданій, не способно возмущаться, при видѣ неправды, насилія, зла и притѣсненій.

Вотъ и нынѣ — стоило появиться небольшому рассказу г. Чехова на страницахъ апрѣльской книжки «Русской Мысли» — «Мужики», чтобы тотчасъ же снова возникли подобные же толки. Рассказикъ оказался однимъ изъ самыхъ сильныхъ произведеній г. Чехова; на каждаго, кто прочитываетъ его, онъ производитъ впечатлѣніе ошеломляющаго удара, отъ котораго долго не можешь ономиниться. Однимъ словомъ, давно ли вышла апрѣльская книжка «Русской Мысли», а уже рассказикъ успѣлъ произвести сенсацию, и всѣ наперерывъ его хвалятъ.

На меня онъ произвелъ такое впечатлѣніе, что, по моему мнѣнію, онъ написанъ г. Чеховымъ не чернилами, а своею собственною кровью, что сердце автора изболѣлось изображенными имъ фактами, прежде чѣмъ они вышли изъ-подъ его пера. И можете себѣ представить, что стоило появиться рассказу, какъ уже не обошлось дѣломъ безъ толковъ, въ такомъ родѣ, что вотъ, молъ, что значитъ художественная объективность и безпристрастіе: г. Чеховъ не идеализируетъ мужика, не распаркивается передъ нимъ, не старается разжалобить васъ его несчастною участію, словомъ, не задается никакими предвзятими тенденціями, а изображаетъ одну голую правду, предоставляя вамъ самимъ дѣлать изъ картины выводы, какіе вамъ придутъ въ голову и т. д., и т. д. Но вы только посмотрите, что изображаетъ г. Чеховъ и какъ изображаетъ, посмотрите, какъ тщательно подбираетъ онъ одинъ грустный фактъ къ другому, и какой изъ этихъ фактовъ составляетъ характерный букетъ. Неужели все это сдѣлано совершенно безсознательно, помимо воли художника и безъ малѣйшаго съ его стороны участія?

II.

Лакей, при московской гостиницѣ «Славянскій Базаръ», Николай Чикильдеевъ захворалъ; у него онѣмѣли ноги; пришлось оставить мѣсто. Онъ обнищалъ, проживъ все, что имѣлъ, кормиться уже было не на что, стало скучно безъ дѣла, и онъ рѣшилъ ѣхать себѣ домой, въ деревню.

Въ воспоминаніяхъ дѣтства родное гнѣздо представлялось ему свѣтлымъ,

уютнымъ, удобнымъ; теперь же, когда въ избу, онъ даже испугался: тамъ было темно, тѣсно и нечисто. Пріѣхавшія съ нимъ жена Ольга и дочь Сапсъ педоумѣніемъ поглядывали на болшую неопрятную печь, занимавшую чуть ли не полъ избы, темную отъ копоти и мухъ. Сколько мухъ! Печка покосилась, бревна въ стѣпахъ лежали криво, и казалось, что изба съ минуту развалится. Въ переднемъ углу, возлѣ иконъ были наклеены бутылочные ярлыки и обрывки газетной бумаги — это вмѣсто картинъ. Бѣдность!..

Дома были одни дѣти, взрослые въ были на работѣ. Но вотъ всѣ они вернулись къ вечеру, отецъ и мать Николай, тощіе, сгорбленные, беззубые оба одного роста. Пришли и бабы, вѣстки, Марья и Фекла, работавшія рѣкой у помѣщика. У Марьи, жено брата Бирьяка, было шестеро дѣтей, у Феклы, жены брата Дениса, ушла шаго въ солдаты, — двое, и когда Николай, войдя въ избу, увидѣлъ все шейство, всѣ эти большія и маленкія тѣла, которыя шевелились на латахъ, въ люлькахъ и во всѣхъ лазахъ, и когда увидѣлъ, съ какою жадностью старики и бабы ѣли чернхлѣбъ, мокая его въ воду, то сообразилъ, что напрасно онъ сюда пріѣхалъ больной, безъ денегъ, да еще семей, — напрасно!..

По случаю гостей поставили моварь. Отъ чая пахло рыбой, сахаръ былъ огрызанный и сѣрый, но хлѣбъ и посуду сновали тараканы; было пассивно пить, и разговоръ былъ пассивный — все о нуждѣ да о болѣзняхъ. Но не успѣли и выпить по чашкѣ, какъ со двора донесся громкій, тяжелый пьяный крикъ:

— Ма-а-рья!

Это шель пьяный Бирьякъ, живущій у купца въ сторожахъ, бить женою Марью за то, что та не соглашалась жить съ нимъ въ лѣсу, больно ужъ боялась. Всѣ притихли. И немного погодя, опять тотъ же крикъ, только бѣлый и тяжелый, точно изъ подъ земли: — Ма-а-рья!..

Марья поблѣднѣла, прижалась къ печи, и какъ то странно было видѣть на лицѣ у этой широкоплечей, сильной, некрасивой женщины выражение испуга. Ея дочь, та самая дѣвочка, которая сидѣла на печи и казалась подушною, вдругъ громко заплакала.

Занлакали всѣ дѣти, сколько ихъ было въ избѣ.

Послышался пьяный кашель, и въ избу вошелъ рослый, чернобородый мужикъ въ зимней шапкѣ и оттого, что при тускломъ свѣтѣ лампы не было видно его лица—страшный. Это былъ Бирякъ. Подойдя къ женѣ, онъ размахнулся и ударилъ ее кулакомъ по лицу, она же не издала ни звука, ошеломленная ударомъ, а только присѣла и тотчасъ же у нея изъ носа пошла кровь...

III.

И насъ хотятъ увѣрить, что во всей этой мрачной картинѣ нѣтъ ровно никакой тенденціи; одна голая художественная правда. Да, дѣйствительно, здѣсь одна художественная правда, но художественная правда эта исполнена самой острой тенденціозности въ смыслѣ искусственнаго подбора мрачныхъ фактовъ деревенской жизни, художественной концентраціи всей той «власти тьмы», какая царитъ въ деревнѣ. Но крайней мѣрѣ нельзя не признать тенденціознымъ даже такой маленькій фактикъ, какъ попалъ Николай въ Москву въ лакеи «Славянского базара».

Въ мѣстности той, гдѣ находилось село Жуково, въ которомъ родился и провелъ дѣтство Николай, крестьяне вѣчно терпѣли отъ недородовъ, хлѣба никогда не хватало до лѣта, и мужики должны были пускать весь лишній приростъ населенія въ отхожіе промысла. Но при этомъ замѣчательно было то, что всѣхъ жуковскихъ ребятъ отвозили въ Москву и отдавали тамъ только въ официанты и коридорные, а изъ села по ту сторону рѣки отдавали только въ булочники. Почему же это такъ? Не знаемъ, почему изъ сосѣдняго села отдавали только въ булочники; жуковцы же предпочитали лакейскій трудъ вотъ по какой причинѣ: «это, читаемъ мы, повелось давно, еще въ крѣпостное право, когда какой то Лука Ивановичъ, жуковский крестьянинъ, теперь уже легендарный, служившій буфетчикомъ въ одномъ изъ московскихъ клубовъ, принималъ къ себѣ на службу только своихъ земляковъ, и эти, входя въ силу, выписывали своихъ родственниковъ и опредѣляли ихъ въ трактиры и рестораны; и съ того времени деревня Жуково иначе уже не называлась у

окрестных жителей, какъ Хамская или Халуевка».

Однимъ словомъ, васъ поражаетъ здѣсь полное отсутствіе сознательной предприимчивости, живой человѣческой мысли; передъ вами словно какой-то чисто зоологическій инстинктъ: разъ случайно создалась извѣстная рутина жизни, и вотъ она передается отъ поколѣнія къ поколѣнію по инерціи, какъ совершается перелетъ птицъ по одному и тому же направленію или роеніе пчелъ весной и т. п.

IV.

Не будемъ вдаваться въ подробности разсказа, одна другой ужаснѣе, поразительнѣе по своей именно, «власти тѣмъ», окутывающей деревню; обратимся къ тѣмъ общимъ чертамъ, какія характеризуютъ деревенскую жизнь, можно сказать во всѣхъ медвѣжьихъ углахъ богоспасаемой Руси, а впрочемъ, еще вопросъ, въ однѣхъ ли медвѣжьихъ углахъ? Можетъ быть кое-что изъ нижеприведеннаго вы найдете и вблизи столицъ, щеголяющихъ европейскою культурою.

«Приходская церковь, читаемъ мы, была въ шести верстахъ, въ Босогоровѣ, и въ ней бывали только по нуждѣ, кому нужно было крестить, вѣнчаться или отпѣвать; молиться же ходили за рѣку. Въ праздники, въ хорошую погоду, дѣвушки наряжались и уходили толпой къ обѣднѣ, и было весело смотрѣть, какъ онѣ въ своихъ красивыхъ, желтыхъ и зеленыхъ платяхъ шли черезъ лугъ, въ дурную же погоду всѣ сидѣли дома. Говѣли въ приходѣ. Съ тѣхъ, кто въ великомъ посту не успѣвалъ отвѣтяться, батюшка на Святой, обходя съ крестомъ избы, бралъ по 15 коп.

«Старикъ не вѣрилъ въ Бога, потому что почти никогда не думалъ о Немъ; онъ признавалъ сверхъестественное, но думалъ, что это можетъ касаться однѣхъ лишь бабъ, и когда говорилъ при немъ о религіи или чудесахъ и задавали ему какой-нибудь вопросъ, то онъ говорилъ нехотя, почесываясь:

«— А кто жъ его знаетъ!..

«Бабка вѣрила, но какъ то тускло; все переиживалось въ ея памяти, и едва она начинала думать о грѣхахъ, о смерти, о спасеніи души, какъ нужда и заботы перехватывали ея мысль, и она тотчасъ же забывала, о чемъ думала. Молитвъ она не молила и обыкновенно по вечерамъ, когда ложи-

лась спать, становилась передъ образами и шептала: Казанской Божіей Матери, Смоленской Божіей Матери, Троиручицы Божіей Матери...

«Марья и Оекла крестились, говѣли каждый годъ, но ничего не понимали; дѣтей не учили молиться, ничего не говорили имъ о Богѣ, не внушали никакихъ правилъ и только запрещали въ постъ ѣсть скоромное. Въ прочихъ семьяхъ было почти тоже. Мало кто вѣрилъ, мало кто понималъ; въ то же время всѣ любили священное писаніе, любили пѣнно, благоговѣнно, но не было книгъ, некому было читать и объяснять, и за то, что Ольга иногда читала Евангеліе, ее уважали и всѣ говорили ей и Сашѣ вы».

«На Илью пили, на Успеніе пили, на Воздвиженіе пили. На Покровъ въ Жуковѣ былъ приходскій праздникъ, и мужики по этому случаю пили три дня; пропили 50 рублей общественныхъ денегъ и потомъ еще со всѣхъ дворовъ собирали на водку. Въ первый день у Чикильдеевыхъ зарѣзали барана, и ѣли его утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ, ѣли помпогу, и потомъ еще ночью дѣти вставали, чтобы поѣсть. Кирьякъ всѣ три дня былъ страшно пьянъ, пропѣлъ все, даже папку и сапоги, и такъ билъ Марью, что ее отливало водой. А потомъ всѣмъ было стыдно и тошно»...

V.

Смерти, — читаемъ мы дальше, — боялись только богатые мужики, которые чѣмъ больше богаты, тѣмъ меньше вѣрили въ Бога и въ спасеніе души, и лишь изъ страха передъ концомъ земнымъ, на всякій случай, ставили свѣчи и служили молебны. Мужики же побѣднѣе не боялись смерти, за то ко всѣмъ болѣзнямъ относились съ преувеличеннымъ страхомъ. Довольно было пустяка: разстройства желудка, легкаго озноба, какъ бабка уже ложилась на печь, куталась и начинала стонать громко и непрерывно: «У-у-мира-а-ю!» Старикъ спѣшилъ за священникомъ, и бабушку пріобщали и соборовали. Очень часто говорили о простудѣ, о глустахъ, о желвакахъ, которые ходятъ въ животѣ и подкапываютъ къ сердцу. Больше всего боялись простуды, и потому даже лѣтомъ одѣвались тепло и грѣлись на печи...

Бабка знала всѣхъ докторовъ, фельдшеровъ и знахарей на тридцать верстъ кругомъ, и ни одинъ ей не правился. На

Покровъ, когда священникъ обходилъ крестомъ избы, дѣточка сказала ей, что въ городѣ, около острога, вѣтъ старичокъ, бывший военный фельдшеръ, который лечитъ очень рошно, и посоветовалъ ей обратиться къ нему. Бабка послушалась. Въ выпалъ первый снѣгъ, она съѣхала въ городъ и привезла старичка, бѣлаго, длиннополаго выкреста, у котораго все лицо было покрыто сѣрыми жилками. Выкрестъ осмотрѣлъ колая и сказалъ, что необходимо ставить банки. Онъ ставилъ банки старикъ, Кирьякъ и дѣвочки стояли и смотрѣли, и имъ казалось, что видятъ, какъ изъ Николая выходятъ болѣзнь. И Николай тоже смотрѣлъ, какъ банки, присосавшись къ груди, мало по малу, наполнялись темною кровью, и чувствовалъ, что изъ него въ самомъ дѣлѣ какъ будто что-то выходитъ, и улыбался отъ удовольствія.

Выкрестъ поставилъ двѣнадцать банокъ и потомъ еще двѣнадцать, напился чаю и уѣхалъ. Николай сталъ жать; лицо у него осунулось и, говорили бабы, сжалось въ кулачъ, пальцы посинѣли. Онъ кутался въ одѣяло, и въ тулупъ, но становилось все холоднѣе. Въ вечеру онъ заковалъ; просилъ, чтобы его положили на полъ, просилъ, чтобы работавшихъ портной не курили, потомъ тихъ подъ тулупомъ и къ утру умеръ.

Разсказъ кончается тѣмъ, что, вѣдая долгую, жестоку, голодную зиму въ деревнѣ, вдова Николай (Ольга) дочь Саша весной собрались въ скву, надѣясь поступить тамъ въ услуженіе, и пошли пѣшкомъ, побираться дорогой Христа ради.

Все это производитъ, еще разъ, потрясающее, ошеломляющее впечатлѣніе. Деревенская жизнь рисуется въ разсказѣ г. Чехова въ комъ страшномъ видѣ глубокой тѣнью безъ просвѣта, безвыходной нищеты, безпомощности, апатіи, опущенности, отсутствіи всякой сознательности, порою и полной бессмысленности, ужасовладѣвающихъ нами тѣмъ болѣе, вы чувствуете, что это правда, правда тысячу разъ правда! Подобной порочно-правдивой и ужасающей картины деревенской жизни никогда не было въ нашей литературѣ. Скажи г. Чеховъ — по истинѣ событіе своего родъ!

А. Скабичевскій